

Григорий Грошев

ТАЙНА ДВАЖДЫ УБИТОЙ

УДК 82-312.4
ББК 84-4
Г89

Грошев Г.

Г89 Тайна дважды убитой / Григорий Грошев – М.: Литнет, 2026. – 272 с.

ISBN 978-5-521-94304-3

1989 год. Российская империя вступила в Золотой Век. Наука совершила резкий рывок вперёд: появилась сотовая связь, навигация. Однако же, нравы Империи сохранились. Перед нами – сословное общество, где все права и привилегии – у знати. Магия объявлена вне закона. Её Величества следователь Фёдор Иванов, дворянин, в поисках преступника. Смерть, на первый взгляд казавшаяся результатом аварии, обрастает неожиданными подробностями. Раскрыть дело Фёдору поможет его любовница – ведьма по имени Алиса. Но не только помощь роковой красавицы он должен скрывать от окружающих... Тебя ждёт увлекательный детектив с элементами мистики, магии и волшебства. Окунись в мир России, которую мы потеряли. В комплекте - совершенно неожиданная развязка!

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94304-3

© Литнет, 2026
© Г. Грошев, 2026

Глава 1. Тайна следствия

– Разночинец! – кричал властный голос. – Разночинец, ко мне!

У двери кабинета стоял высокий и статный мужчина. Идеально белый костюм, трость с серебряным набалдашником. Выглаженная рубашка. Запонки с драгоценными камнями. Невзирая на запрет, он курил тонкую сигарету, аккуратно стряхивая пепел на пол.

Центральное отделение не знало такой наглости! Дубовый пол ежедневно полировали щётками: начальник был помешан на чистоте.

– Честь имею, – ответил Иванов, не вставая со своего кресла. – Чем обязан?

– Подойдите ближе, разночинец, да возьмите мою шляпу! – потребовал визитёр и притопнул ножкой в дорогой кожаной обуви.

Иванов отодвинулся. Встал. Поправил свой шёлковый галстук, проверил геральдику на кителе. Всё на месте. Личной приёмной у него не было, однако же, визитёры не могли прийти сюда иначе, как по его вызову. Охрана сообщала ему обо всех посетителях и не допускала нежелательных персон. Звонка от дежурного не поступало. Почему?

– Прошу прощения, – произнёс Иванов, глядя на холёного аристократа. – Однако же, произошла ошибка. На допрос я вас не вызывал. Личного приема не веду-с.

– Да как вы смеете! – вскричал мужчина. – Допрос, ещё чего?! Подойдите ко мне, немедленно! Обязан ли я вот так распинаться, а? Шляпа, шляпа. Шля-па. Бери шляпу, псина.

Фёдор с трудом подавил гнев, который закипал в его душе. Он уже видел, как вырывает трость и разбивает аристократический нос на холеной морде холуя. Водит наглеца лицом по полу, собирая пепел, будто пылесосом. Но! Иванов был профессионалом.

К его службе предъявлялись чрезвычайные требования! Вежливость. Выдержка. Сдержанность. Царица не уставала повторять

с голубого экрана о том, что государственные служащие – лицо Империи. А потому полицейские должны быть предупредительными и спокойными.

«Последую Её завету», – подумал Иванов. Следователь подошёл ближе, чтобы рассмотреть наглеца. Ничем не примечательный, самый обыкновенный потомственный лентяй. С каким-нибудь высоким званием и должностью. Сладострастные губы. Холёные ручки. На пальцах – модный нынче среди мужчин бесцветный маникюр. Аккуратная татуировка на внешней стороне левой кисти. Потомственный аристократ, уверенный в своей исключительности.

– Ну, берите же шляпу, псина! – не унимался мужчина. – Почто я сам должен себя обслуживать? Я пришёл по важному делу!

Иванов картинно поклонился, принял головной убор и медленно вернулся к своему столу. Тот был расположен прямо у окна. Открыл пластиковый стеклопакет – большая роскошь по тем временам. И швырнул на улицу шляпу, как олимпийский атлет – метательный диск. Головной убор улетел далеко, к оживлённой магистрали, что прошла сквозь сердце Центрального округа.

– Готово, – улыбнулся он и показал на кресло для допрашиваемого. – Ну, присаживайтесь. Чем обязан?

– Да как вы смеете! – вскричал визитёр и принялся топтать ногами, будто ребёнок. – Я – посланник её Величества! У меня чрезвычайные полномочия!

– Чудно, – кивнул Фёдор, встал и приложил руку к сердцу, обратившись к портрету Екатерины Третьей. – Передайте Императрице мои пожелания доброго здоровья. Многие лета.

– Неслыханно! – не унимался визитёр. – Какая грубость! Какая бестактность!

Дорогой мужчина в роскошной одежде никак не мог успокоиться. Топал ножками. Орал, что его шляпа стоит дороже, нежели следователь по особо важным делам и поручениям. Что за такой проступок его надлежит разжаловать и сослать на каторгу. Что превосходство

аристократии – основа стабильности общества. Иванов молчал.

На крики в кабинет прибежал начальник – полковник Цискаридзе. Некогда подтянутый и поджарый, к своим сорока пяти годам он изрядно набрал вес. Полицейский руководил крупнейшим участком в самом сердце Москвы. И, по слухам, имел доход, никак не соответствующий его заработной плате.

Однако же, императорская семья благоволила Цискаридзе. Учтивый, вежливый, но что ещё важнее – исполнительный. Начальник, способный претворить в жизнь любое поручение. А ещё он неведомым образом мог определить, что где-то страдает аристократ, и тут же примчаться.

– Граф Галунов! – воскликнул Цискаридзе и всплеснул руками. – Какая огромная честь! Отчего же не зашли ко мне, а бросились сюда? Я ожидал вас.

– Только что ваш подчинённый... – произнёс граф, поджав губки. – Швырнул мою шляпу в окно. Можете себе представить?

– От лица всего Её Величества полицейского отделения Центрального округа приношу извинения за бестактность, – отчеканил полковник.

– Двадцать плетей! – потребовал граф и надул губки ещё сильнее. Ещё чуть-чуть и взлетел был, подобно дирижаблю. Внешне аристократ успокоился, но душа его теперь требовала сатисфакции.

Следователь посмотрел на гостя с недоумением и даже с презрением. Мало того, что врывается в его кабинет. Ведёт себя так, будто вся полицейская служба Её Величества должна исполнять его прихоти.

Обзывает псом. Так ещё и требует всыпать плетей! Отдаёт приказы полковнику, что руководит столь крупным участком. Куда только катится Империя?

– Увы и ах, – всплеснул руками высокопоставленный полицейский, – Фёдор Иванов – потомственный аристократ из рода Ивановых.

– Того самого?! – удивился визитер.

– Того самого, – кивнул Генрих. – Таковым, как известно, телесные наказания запрещены.

– Ах вот как? – улыбнулся Галунов. Его гнев внезапно сменился милостью. – Дворянин? Иванов? Неужели тот самый! Тогда инцидент исчерпан. Надеюсь, мы втроём увидим в случившемся лишь забавную шутку, анекдот. Я сам виноват в этом досадном казусе. Представляете, обозвал господина Иванова разночинцем!

И тут же захохотал. Так же подобострастно засмеялся Цискаридзе. Он даже хлопнул себя по тучному боку. Вот мол, какая шутка получилась! Умора. Фёдор оставался серьёзным. Его разум последние недели занимало только одно дело. И эта парочка отвлекала от расследования, которое никак не могло сдвинуться с мёртвой точки.

– Прошу и у вас прощения за свою грубость, – произнёс следователь после паузы. – Мне не стоило отправлять Ваш головной убор в полёт по всей Центральной улице.

– Ах, пустяки, – махнул рукой граф, вытирая слезы от смеха. – Я сей же час распоряжусь, чтобы мне принесли новый.

Он достал из кармана сотовый телефон последней модели и принялся набирать сообщение. Да уж, наука творит чудеса. Каких-то десять лет назад в дверях бы уже стоял посыльный и ждал указаний.

А теперь – холопу достаточно прочитать сообщение. Иванов пока что противился такому достижению науки, как переносной телефон, предпочитая традиционные каналы связи. К тому же, трубки продавались по цене хорошего автомобиля.

– Граф Галунов, – сказал Фёдор. – Её Величества центральный полицейский отдел утопает в работе...

– Намёк понят, – кивнул визитёр. – Я по официальному поручению. Императрица сообщает о том, что расследование... хм, происшествия со Сбитой, Убитой и Похищенной... Взято на особый контроль. На Её контроль.

– Мы работаем день и ночь! – вскричал Цискаридзе. Он сразу понял, о каком деле идёт речь. – Иванов дома лишь спит, да и то не всегда!

Фёдор помрачнел. Да уж, благодаря бульварным газетам история действительно обрела популярность, несоразмерную её масштабу. Сама Императрица заинтересовалась происшествием! Какое-то жалкое ДТП, коих в России каждый день – десятки.

– После таинственного исчезновения тела несчастной девушки Её Величество не может ни спать, ни есть, – с лёгкой улыбкой сообщил граф. – Ей не терпится узнать разгадку истории.

– Всё установим, – пообещал Цискаридзе. – Всех найдём. В установленные законом сроки, и даже быстрее. И сей же час – спецдосмотр об случившемся. Так ведь, Иванов?

– К сожалению, даже потомственным дворянам я не могу изложить обстоятельства расследования, – произнёс Фёдор. – Тайна следствия-с.

– Разумеется, – кивнул граф. – Императрица не собирается собою подменять законы. Не для того Её Величество утверждала все эти кодексы, уложения и формуляры. Она лишь хочет предложить всяческую помощь и содействие.

– Конечно, конечно! – воскликнул Цискаридзе. – Сегодня же мы подготовим письмо и отправим Её Величеству...

– В этом нет нужды, – покачал головой Галунов. – Я оставляю свой телефон...

– Вы хотели сказать, номер? – осведомился полковник.

– Нет, телефон, – визитёр протянул полицейскому трубку. – Звоните в удобное для вас время. Сегодня же. И назовите ясно и чётко, в чём вы нуждаетесь для успешного разрешения дела.

– Благодарю за столь щедрый подарок! – воскликнул Цискаридзе и вытянулся в струну, подобрав в себя объёмное пузо. – Служу Её Величеству!

Когда чеканные шаги графа растворились в длинном коридоре, втянутое пузо полковника постепенно приняло обычную форму. Глаза его налились кровью. Руки сжались в кулаки. Конечно, Фёдор был его лучшим следователем. Больше того – товарищем. Человеком, что работал не за страх, а на совесть. Однако же, некоторые

выходки подчинённого просто приводили тучного начальника в недоумение.

– Иванов! – прошипел он. – Да будет тебе известно...

– Да, Ваше благородие? – невинно спросил Фёдор.

– Да будет тебе известно... – прошипел полковник. – Известно...

Его гнев куда-то улетучился. Он и сам не мог понять, отчего состояние бешенства растворилось за доли секунды. В задумчивости Цискаридзе вышел из кабинета. Разглядывал новый телефон: настоящее чудо техники. За столько лет он так и не научился ощущать чужое воздействие на своё сознание...

Глава 2. Хорошеет Москва

Иванов тем временем вернулся к работе. Да уж, смерть в результате аварии наступала нередко. Так устроен человек! Создание хрупкое, довольно хилое, если разобраться. Особенно – девушка. Юная девушка. Вместе с заключением судебного хирурга ему прислали фотоснимки погибшей. Жить и жить ещё, что тут скажешь? На вид – ребёнок, лишь год назад получила свой первый паспорт. Требовалось перекурить.

Фёдор достал перламутровую пепельницу, поставил её на дубовый подоконник. Открыл своё дорогостоящее окно из ПВХ. В кабинет тут же влетели звуки Центральной улицы. Москва, конечно, не столица, однако – город безразмерный. Никогда не дремлет. Никогда не останавливается. За это Иванов и любил её.

– Миллениум! – звонким голосом кричал мальчик, продавец газет. – Императорские учёные были шокированы, когда...

– Чем же они были шокированы? – любопытно спросил мужчина в красивом костюме. – Ну, не томи!

Мальчик его внимательно оглядел. Благородный. Аристократ. Такой – точно не огреет.

– Своим открытием, господин, – тоненьким голоском произнёс мальчик. – Двугривенник за новый номер – и всё сами узнаете. Заодно и способ восстановления суставов за счёт соды.

– Соды? – удивился горожанин.

– Так учёные говорят, – пожал плечами мальчишка. – Говорят и пишут.

– Интересно. Держи, без сдачи, – ответил мужчина, подавая газетчику пятьдесят копеек.

Наблюдая за этой сценой из окна своего, Иванов лишь улыбался. Да уж, эти продавцы жёлтой прессы с каждым годом всё изворотливее. Детей нанимают. Тут срabатывает стереотип: ребёнок не может

врать. Нужно будет взять на вооружение. Быть может, пригодится во время какого-нибудь допроса.

– Ну-ка, сюда подойди, – крикнул Фёдор. – Бодрее.

Кабинет Иванова располагался на первом этаже. Однако же, это был высокий первый этаж. В таком расположении было очевидное удобство. При желании, Фёдор мог в любой момент выйти в окно. Безопасно для своего здоровья. Раньше его донимал шум улицы, но благодаря новым стеклопакетам это досадное недоразумение осталось в прошлом.

– Слушаю, высокоблагородие, – произнёс мальчик.

– Молодец, – ответил следователь, выпуская клубы дыма. – Ты сам чьих будешь?

– Петька я, сирота, – сказал газетчик. – Живу на попечении дядюшки Серафима.

– В школу ходишь? – спросил Иванов и поморщился от того, как быстро его беседа превратилась в допрос.

– Так точно, высокоблагородие, – ответил газетчик. – По вечерам. Днём вот газеты продаю.

– Говоришь ты красиво, мальчик, – похвалил его следователь. – Кто учит?

– Дядя Борис, что из редакции, – сказал Петька. – Он каждый день со мной занимается.

Зубы свело, словно от боли. Иванов закашлялся. Гляди ты, и тут Борис Липов! Его заклятый приятель. Разночинец и несостоявшийся офицер. Человек, который благодаря газетам и телевидению сколотил состояние. И глядишь ты, не брезгует мальчиком. Занимается им. Вон, как язык подвесил.

– На, лови, – Фёдор бросил двугривенник, и мальчишка его проворно поймал. – Только номер мне не надо. Ты скажи, что о Пропавшей пишут.

Малыш понял его с полуслова:

– О Сбитой и Пропавшей? – уточнил он. – Говорят, пала жертвой